

Р.Ю. Царёв

КОНЦЕПЦИЯ МИРОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Исследуется ряд ключевых методологических принципов, на которых базируется концепция миросистемного анализа И. Валлерстайна как одного из крупных представителей современной исторической макросоциологии. Указывается, что ключевые в его концепции проблемы социально-исторической динамики рассматриваются с позиций ряда принципов современной научной рациональности. Это позволяет вывести социальное познание на высокий уровень теоретизации, способствует обогащению его методологического аппарата.

Ключевые слова: исторические системы; хроноструктура истории; нелинейные исторические процессы; синтез социальных наук; теоретическая история; субъект и объект социального познания.

Одна из тенденций развития социального познания состоит в том, что на определенном этапе в зависимости от исследовательской задачи обнаруживается недостаточность теоретических и методологических средств, необходимых для ее решения, что приводит к выходу за рамки существующих подходов, как правило, в форме создания нового категориального аппарата. Возможны два пути трансформации социального познания.

Первый путь заключается в том, что его преобразование происходит на основе выявления новых внутренних возможностей. В XX столетии это нашло выражение в возникновении новых понятий – «менталитет» (школа «Анналов»), «локальная цивилизация» (А. Тойнби), «время длительной протяженности» (Ф. Бродель) – и соответствующей методологии. Концепция миросистемного анализа И. Валлерстайна не только находится в русле этой гносеологической тенденции, но развивает и углубляет ее: обосновывается новый предмет социального познания – современная миросистема, происходит рефлексия над его методологическими проблемами. Как подчеркивает И. Валлерстайн, миросистемный анализ представляет собой протест против способов организации социального знания, сложившихся в середине XIX в., и бросает вызов господствующему способу исследования [1. Р. 309], но указывает, что «миросистемный анализ – это не парадигма исторической социальной науки. Это призыв к спору об этой парадигме» [1. Р. 324]. Другими словами, предпринимается попытка ревизии методологии социального познания, но восходящей даже не к середине XIX в., а к эпохе Просвещения.

Второй путь трансформации социального познания состоит в том, что обнаружение новых возможностей происходит в связи с тенденциями развития общенаучного знания, образующего по отношению к социальному познанию метатеоретический уровень, из состава которого при необходимости заимствуются методологические средства. Во второй половине XX в. системный подход и синергетика обрели статус метатеории по отношению к научным исследованиям в различных областях, в том числе социальном познании. Поэтому, по мнению Р. Ли, к сложности социальных систем уже невозможно относиться на основе принципа редукционизма, а признание детерминиро-

ванных, но непредсказуемых систем в природе означает, что и социальное познание не может более базироваться на методологических моделях, заимствованных из классической науки [2].

Концепция миросистемного анализа является зримым воплощением взаимодействия внутренних и внешних факторов развития социального познания, чем и обусловлено ее значение. Что касается воздействия общенаучных подходов на сферу социального познания, то зарубежные и отечественные исследователи единодушны во мнении, что в концепции миросистемного анализа главным инструментом преобразования социального познания является синергетика. Отмечается, что именно под ее воздействием социальное познание переживает революционный методологический сдвиг, а концепция миросистемного анализа находится в русле этой широкомасштабной научной тенденции. Ее суть состоит в том, что происходит переход от равновесных ситуаций к неравновесным, от линейной к нелинейной динамике, и, что не менее важно, – от прежних объектов исследования к принципиально новым объектам [3. С. 11–12]. В этой связи акцентируется и значительный вклад И. Валлерстайна в разработку проблемы системного кризиса и исторического выбора [4. С. 308–309], что именно на основе синергетики И. Валлерстайн пытается очертить сценарии возможного будущего [2. Р. 129].

Однако преобразования в социальном познании нельзя свести только к воздействию синергетики, поэтому контекст должен быть шире – принципы постнеклассической науки в целом [5. С. 626–636]. Они либо порождают новые внутренние тенденции развития социального познания (обнаружение нового предмета исследования, пересмотр методологии), либо способствуют обогащению существующих тенденций новыми общенаучными подходами, что выражается в постановке новых проблем и поиске теоретико-методологических средств их решения. Но в любом случае возникают возможности глубокой теоретизации социального познания.

Следует отметить, что И. Валлерстайн понятием «постнеклассическая наука» не оперирует, но в его концепции реализуется (применительно к социальному познанию) ряд тех же аспектов современной научной рациональности, что и в понятии постнеклассической науки, чем и определяется возможность рас-

смотрения концепции миросистемного анализа в указанном контексте. Анализ всех принципов постнеклассической науки не является целью данной статьи, отметим лишь те из них, что способствуют раскрытию теоретического содержания концепции миросистемного анализа и очерчивают направления преобразования социального познания.

Принцип 1. *Концепция миросистемного анализа обращается к исследованию сложных, саморазвивающихся систем, что находится в русле тенденции постнеклассической науки к изменению объекта познания.*

Исходным понятием концепции миросистемного анализа выступает понятие исторической системы, что является свидетельством осознанной экспликации принципов системного подхода к исследованию социальной реальности. Системный подход в социальном познании фактически был реализован и раньше (например, в «Капитале» К. Маркса), но без осознания его как особой методологии научного исследования.

Согласно И. Валлерстайну социальная реальность представляет собой не что иное, как «реальность длительных, но не вечных наборов структур (которые я бы назвал историческими системами), имеющих свои структурированные способы действия (которые я бы назвал циклическими ритмами), но также подверженных непрерывным медленным процессам трансформации (которые я бы назвал вековыми трендами)» [6. С. 106]. Кроме того, «историческая система» – это долговременный, органично-целостный социальный комплекс, обладающий высокой степенью сложности, относительно автономной эволюцией, внутренней динамикой и пространственно-временными границами; изменение хотя бы одного элемента ведет к изменению других элементов и в итоге всей системы [7. Р. 203]. Любая историческая система базируется на способе производства и обмена и особенно выстраивается на основе развивающегося разделения труда [8. С. 13].

И. Валлерстайн отказывается от традиционного для социального познания понятия «общество» по двум причинам. Во-первых, по его убеждению, в этом понятии воплощено восходящее к философии Просвещения дробление социальной реальности на автономные сферы экономики (рынка), политики (государства), культуры (интеллектуального и духовного), однако ни один человек, социальная группа или социальный институт не имеют обособленных друг от друга мотивов деятельности [9. Р. 49]. Во-вторых, понятие «общество» многозначно, заставляет ставить вопрос, когда и где существуют единства, в которых происходит социальная жизнь, существовала и неясность в соотношении общества и государства. Замена понятия «общество» понятием «историческая система» является, по словам И. Валлерстайна, «чисто семантической», но позволяет избавиться от предположений «где» и «когда», непонятной связи общества и государства [1. Р. 315, 317].

Другими словами, выход в новый категориальный аппарат обусловлен тем, что в концепции миросистемного анализа ставится задача реального раскрытия социального изменения как изменения системно-

го. Поэтому в действительности «чисто семантическая» замена повлекла за собой серьезные теоретические последствия. Первым из них стала типология исторических систем, предполагающая новый вариант понимания единиц исторического процесса. Исторические системы, согласно И. Валлерстайну, существовали в двух вариантах – минисистемы и миросистемы, а последние, в свою очередь, подразделяются на мироимперии и мироэкономики [1. Р. 317]. Наконец, завершает этот ряд понятие современной миросистемы, понимаемой как результат многовековой экспансии европейской капиталистической мироэкономики в мировом масштабе [1. Р. 317–318].

С одной стороны, нельзя утверждать, что принципы, лежащие в основе этой типологии, являются открытием И. Валлерстайна. Согласно К. Поланьи в экономике «...основными способами связи являются реципрокность, перераспределение и обмен. Реципрокность (reciprocity) обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах. Перераспределение (redistribution) представляет акты стягивания товаров центром с их последующим перемещением из центра. Под обменом (exchange) подразумеваются встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы» [10. С. 56]. И по словам И. Валлерстайна, «три вида исторических систем – минисистемы, мироимперии и мироэкономики – еще раз подтвердили существование трех форм экономической организации Поланьи» [11. С. 76].

С другой стороны, интерпретация И. Валлерстайном этих положений привела к представлению о существовании больших, сложных, саморазвивающихся социальных систем в истории. Характеризуя миросистему, он подчеркивает: «Мы говорим здесь не о *мировых* (или *всемирных*) системах, экономиках, империях, а о системах, экономиках, империях, которые сами по себе *есть мир*, хотя обычно – и даже как правило – они не охватывают весь мир». Поэтому «миросистема представляет собой некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам» [11. С. 75].

Эти положения конкретизируются применительно к мироэкономике. Она понимается И. Валлерстайном как сложная, целостная, саморазвивающаяся система, обладающая иерархической организацией в форме трех взаимосвязанных уровней – ядра, полупериферии и периферии. Ядро играет главную роль в развитии системы, однако оно не может выполнять эту роль без подчиненных ему полупериферии и периферии. Неравенство экономических потенциалов является главным условием функционирования этой системы, обеспечиваемым процессом непрерывного накопления капитала на основе неравномерного обмена между ядром и периферией. В основе неравномерного развития лежит географическое разделение труда; в ходе развития мироэкономика изменяет внешние пространственные границы в направлении сужения или расширения на основе внутренней, структурной динамики, в ней происходит смена державы-гегемона [12. Р. 349–350].

Этот подход означает отрицание национальных государств как единиц истории: их следует понимать как тип структурной организации в миросистеме, а их изменения объяснять как вытекающие из эволюции миросистемы и взаимодействий в ней [12. Р. 7]. С одной стороны, более крупные единицы исторического процесса, чем национальные государства, рассматривались не только И. Валлерстайном. Общество-экономические формации в трактовке К. Маркса или локальные цивилизации в понимании А. Тойнби тоже являются наднациональными и надгосударственными системами. С другой стороны, обоснование новых единиц истории позволило концепции миросистемного анализа выйти за рамки и формационного и цивилизационного подхода к истории.

Как следует из определения исторической системы, она, с одной стороны, обладает рядом формационных характеристик (способ производства, разделение труда), с другой стороны, рядом характеристик локальной цивилизации (автономная эволюция, наличие пространственно-временных границ). Следовательно, исторические системы нельзя отождествить ни с формацией, ни с локальной цивилизацией.

И. Валлерстайн не признает сосуществования и взаимодействия различных способов производства в современной миросистеме, а стало быть, и формаций, утверждает наличие единого мирового капиталистического способа производства. Вместе с тем реальный «исторический капитализм» представляет собой смешение наемного и ненаемного труда, товарных и нетоварных продуктов, отчуждаемых и неотчуждаемых форм собственности и капитала [1. Р. 320]. Иначе говоря, имеет место «смесь» свободных и несвободных форм экономической деятельности. Следовательно, мировой капитализм задает свою природу всем включенным в него социальным формам, поэтому этой «смеси» сложно дать однозначную формационную характеристику.

Равным образом, в современной миросистеме не признается существования и локальных цивилизаций. Они, согласно И. Валлерстайну, не являются реальными историческими образованиями, их часто путают с мироимпериями как реальными историческими системами [13. Р. 161–162, 169]. На самом деле цивилизации «лишь обозначают границы между социальными группами и экономическими зонами мира» [14. С. 35].

Тем самым ось ядро–полупериферия–периферия в современной миросистеме рассматривается как отношение и связь не между национальными государствами, формациями или цивилизациями, а между экономическими уровнями системы. Их единство обеспечивают товарные сети, которые имеют трансграничный, транснациональный характер [15. Р. 31]. При этом важно, что современная миросистема понимается как целостность, не сводимая к составным частям [16. С. 261]. Это свидетельствует о том, что И. Валлерстайн особо акцентирует именно системные отношения, от которых зависит процесс непрерывного накопления капитала.

Таким образом, за точку отсчета социального познания концепция миросистемного анализа принимает не национальные государства, не формации раз-

личного уровня развития, не локальные цивилизации, а систему гораздо более высокого уровня сложности. Теоретическое значение понятий мироэкономики и современной миросистемы состоит в том, что они создают возможности для выявления и изучения макроисторических изменений, абстрагируясь от формационной или цивилизационной принадлежности конкретных обществ. Это становится особенно важным в том случае, если ставится задача исследования универсальных тенденций, происходящих в обществах с различной хозяйственной и социокультурной спецификой, например, слабозажитости периферии, которую акцентирует концепция миросистемного анализа.

Принцип 2. *Как и в постнеклассической науке, в концепции миросистемного анализа имеет место осознание значимости времени, развития, вследствие чего происходят выработка и обоснование модели хроноструктуры исторического процесса.*

Динамика современной миросистемы рассматривается в рамках циклических ритмов, возникающих внутри лежащей в ее основе капиталистической мироэкономики. К ним относятся конъюнктурные колебания, «циклы Кондратьева» и вековые «тренды». И. Валлерстайн принимает концепцию множественности форм исторического времени Ф. Броделя [6. С. 103–106]. Однако Ф. Бродель лишь в теории утверждал, что краткое и длительное время неразделимы, а долгосрочные циклы вызваны внешним толчком, заставляющим колебаться сети обмена [17. С. 79–80]. И. Валлерстайн же раскрывает механизм трансформации конъюнктур в «тренды», состоящий в том, что их источником выступает комплекс противоречий как результат ограничений, налагаемых структурами системы [9. Р. 45–46]. Но в любом случае речь идет о времени, выражающем специфику структурной организации системы, параметры ее структурной динамики.

Акцент на длительных интервалах времени объясняется тем, что «современного мира» как такового не существует, прошлое и настоящее образуют неразрывное единство, и только в рамках длительных единиц времени возможно понимание системы [12. Р. 7]. Поэтому континуум «прошлое – настоящее» является первой осью координат существования современной миросистемы.

Кроме того, И. Валлерстайн подчеркивает, что существование системы предполагает, что «ничто не изменяется», но то, что она «историческая», подразумевает, что «изменение вечно» [8. С. 14]. Система никогда не остается такой, какой она была в предыдущие интервалы времени. Базирующаяся на капиталистической мироэкономике современная миросистема – это наилучшая иллюстрация необратимой стрелы времени, но анализ системы на уровне ее основополагающих структур указывает на повторяемость, цикличность и тенденцию к сохранению подвижного равновесия. Система направленно и необратимо изменяется, оставаясь в то же время собой. Повторения и цикличность относительны, поскольку все подвержено изменению, но изменения не хаотичны, существуют фундаментальные предсказуемые принципы функционирования системы, иначе она не сохраняла

бы свою целостность в течение длительного времени [6. С. 113–114; 7. Р. 206].

Иначе говоря, вторым континуумом существования современной миросистемы является континуум «статика – динамика», система поддерживает равновесие этих состояний в долгосрочной перспективе.

Сама по себе модель циклических колебаний, реализуемая в концепции миросистемного анализа, не является оригинальным открытием, поскольку в экономической науке существует немало моделей «длинных волн». Однако оригинальность и значимость взгляда И. Валлерстайна заключается в том, что «время и пространство являются не двумя отдельными категориями, а одной, которую я буду называть время-пространство» [6. С. 106]. Это и есть третий континуум существования современной миросистемы. Раскрывая его природу, И. Валлерстайн формулирует ряд важных теоретических положений.

Во-первых, он утверждает, что «структурному (долгосрочному) времени соответствует структурное (широкомасштабное) пространство. Более того, этому структурному пространству не нужно быть постоянным в течение хронологического времени» [6. С. 109]. Имеет место «географическая делокализация» и «непрерывная географическая реструктуризация мировой капиталистической системы» между образующими ее иерархическими зонами организации [15. Р. 36]. Другими словами, циклы вызывают периодические сжатия и расширения капиталистической мирэкономки в пространстве, что сопровождается структурными сдвигами (изменение границ товарных сетей, вынос производства из ядра на полупериферию и периферию, перестройка военно-политических союзов и т.д.). Поэтому функционирование системы является структурной пульсацией.

Во-вторых, интеграция новых зон в мировую капиталистическую систему соответствовала фазам стагнации [15. Р. 39], понижительная Б-фаза циклов дает государствам полупериферии возможность изменить статус в системе: слабые могут опуститься на периферию, сильные – войти в ее ядро [13. Р. 7]. Иначе говоря, существует взаимосвязь между фазами циклов и степенью свободы и необходимости исторического действия: повышательные фазы налагают на него структурные ограничения, понижительные – открывают возможности. Однако логика концепции миросистемного анализа предполагает, что свобода действия даже на понижительных фазах циклов ограничена рядом объективных факторов, устанавливающих приемлемые для системы границы изменений, поскольку структурный детерминизм призван сохранить ее базовые принципы.

И. Валлерстайн является несомненным детерминистом, но степень детерминированности системы вряд ли стоит преувеличивать. Тем более, о чем уже упоминалось, изменения никогда не повторяются. Это означает, что система все же функционирует вероятностным образом, в ней всегда существуют возможности выбора определенной стратегии действия. Валлерстайн таким образом эту ситуацию не называет, но ее можно определить как функциональный выбор возможных на данный момент вариантов в системе.

В-третьих, И. Валлерстайн выдвигает понятие «трансформационное время-пространство», характеризующее переход к новой исторической системе [6. С. 115]. Он подчеркивает, что необходимо различать спад в конъюнктуре и переход к другой исторической системе. Спад после достижения пика развития не следует рассматривать как структурный кризис, хотя он может субъективно восприниматься как таковой. Спад является кризисом нормального изменения приоритетов развития на данном этапе. Переход же представляет собой нечто совершенно иное, поскольку является трансформационным выбором, который совершается, когда система исчерпала возможности своего функционирования, когда даже ее краткосрочные противоречия больше не могут быть разрешены ни в среднесрочной, ни тем более в долгосрочной перспективе [9. Р. 46].

Таким образом, в концепции миросистемного анализа обоснована объяснительная модель циклических ритмов различной длительности с приоритетом длительных фаз. Эта модель рассматривается И. Валлерстайном в рамках трех взаимосвязанных континуумов – единства прошлого и настоящего, статики и динамики, времени-пространства с акцентом на его структурном и трансформационном вариантах.

Современная миросистема воплощает единство этих континуумов, которые выступают координатами ее исторического существования. Она является глобальной, сложной, органично-целостной системой с иерархией уровней и связей, форм социального времени. Кроме того, современная миросистема – это самоорганизующаяся система, а механизмы ее функционирования характеризуются сочетанием синхронных и асинхронных процессов, восходящих и нисходящих линий исторической эволюции. Развитие современной миросистемы предполагает необратимые макроисторические структурные трансформации, обусловленные перерастанием времени как цикла во время как стрелу. Анализ крупномасштабного времени-пространства создает условия для обнаружения многообразных форм социальной динамики – циклических ритмов, пульсаций, кумулятивных и взрывных процессов, разрушающих в форме переходов старые исторические системы и расчищающих путь для возникновения новых.

Принцип 3. *Как и для постнеклассической науки, для концепции миросистемного анализа характерно стремление преодолеть дилемму естественнонаучной и гуманитарной картин мира, благодаря синергетике происходит отрицание ряда положений классической науки и их проявления в методологии социальных наук.*

Разделение научного знания на «науки о природе» и «науки о духе» предполагает противопоставление естественнонаучной и гуманитарной картин мира, подчеркивает их несовместимость. Однако во второй половине XX в. в связи с возникновением синтетических дисциплин – кибернетики и синергетики – возникли возможности для широких теоретических обобщений, выхода за рамки известных дисциплинарных границ. Была поставлена проблема: подчинено ли развитие социальных систем тем же закономер-

ностям, что и развитие природных систем? Если существует аналогия, то оправданной ли будет трансляция концептуальных схем из естественных в социальные науки и в какой форме она может осуществляться?

Показательны в этом отношении различия позиций И. Пригожина и И. Стенгера, несмотря на общность их научных интересов. И. Стенгерс не отрицает полезности переноса понятий и концептуальных схем из одной ветви науки в другую, но рассматривает механизм этого переноса как основанный лишь на принципе метафоры. Поэтому она предлагает ввести понятие «право на перенос» (право трансфертабельности), что должно внести необходимую ясность в понимание взаимосвязи отраслей науки при одновременном осознании их специфики [18. Р. 102]. И. Пригожин, наоборот, считает необходимым поиск общих закономерностей в динамике сложных природных и социальных систем, обосновывает возможность и допустимость подобной трансляции в целях обнаружения фундаментального единства законов бытия [19. С. 56].

Позиция И. Валлерстайна совпадает с позицией И. Пригожина: в силу того что «познание является единым актом, не существует фундаментальных отличий между познанием природного мира и мира людей, коль скоро оба они являются неотъемлемыми частями единой Вселенной» [16. С. 282–283]. По И. Валлерстайну, вырытая классической наукой пропасть между «двумя культурами» есть не что иное, как «гигантская мистификация» и «препятствие на пути к более полному пониманию мира» [16. С. 256].

В этой связи способом преодоления этого разрыва в концепции миросистемного анализа выступают принципы синергетики, поскольку она возрождает идею творчества во Вселенной, включая человеческое творчество, и тем самым способствует формированию «нового языка описания социальной реальности» [8. С. 18]. В силу того что утвердилось представление о нелинейной траектории развития, вероятностных процессах, появилось сомнение в способности науки формулировать определенные закономерности (постулат предсказуемости), в ориентации на количественные способы исследования (постулат точности), в редукционистском способе познания (постулат простоты), наконец, в правильности представления о линейном характере времени [20. Р. 4–6].

Из этих соображений следуют два важных следствия.

Во-первых, И. Валлерстайн отрицает принцип механистического детерминизма применительно к изучению социальной реальности. Более того, отношения детерминизма трактуются гораздо шире, чем в классической науке, поскольку акцентируются его формы, не имеющие непосредственно причинного характера. Обеспечивающие целостность современной миросистемы звенья товарных сетей, с одной стороны, связанные между собой функционально (накопление капитала), с другой стороны, эти звенья опосредованно коррелируют между собой в пространстве-времени [15. Р. 30]. В обоих случаях подчеркиваются не причинные формы детерминации.

Равным образом и взаимодействие частей (ядра, полупериферии и периферии) в рамках целого (со-

временной миросистемы) тоже является не причинной формой детерминации, опирающейся на механизм синхронности: «...миросистемный анализ настаивал на рассмотрении всех элементов миросистемы в качестве частей “мира”, которые невозможно понять или изучить по отдельности. Характеристики любого общества в момент времени T2 рассматривались не как результат каких-то изначальных условий, существовавших в момент времени T1, а считались результатом процессов, происходивших внутри... миросистемы» [16. С. 261].

Во-вторых, отказ от представления о линейном характере времени с вектором прогресса выражается в концепции миросистемного анализа в реализации циклической модели социального времени, имеющего вероятностную логику, которая, по убеждению И. Валлерстайна, реализуется двояким образом.

С одной стороны, в режиме нормального функционирования системы понижательная Б-фаза цикла не является простым негативным зеркальным отражением повышательной А-фазы, колебания никогда не возвращаются к исходному пункту, поэтому одни и те же явления могут быть и повторяющимися, и меняющимися. С другой стороны, кризис и переход к новой исторической системе обусловлены тем, что циклические колебания в определенный момент начинают разрушать систему. Возможность выбора в этой ситуации коренится в том, что даже небольшая флуктуация может привести к крупным последствиям в отличие от малых последствий от крупных флуктуаций в нормально функционирующей системе. Переход необратим, но всегда стохастичен по результату. Это не означает, что возможны любые изменения, они определяются существующими реальностями: выбор, который возможен сегодня, был невозможен в 1450 г. или в 500 г. до н. э. [9. Р. 45, 47–48].

Тем самым возникающая в момент перехода ситуация неопределенности характеризуется многовариантностью путей дальнейшего развития, вероятностью выбора одного из них, ролью случайности как фактора этого выбора и непредопределенностью параметров новой исторической системы. В связи с последним обстоятельством И. Валлерстайн утверждает, что прогресс не является неизбежным и представляет собой «аналитическую переменную» [1. Р. 322]. Очевидна связь этого подхода с принципами синергетики.

В концепции миросистемного анализа идея непредопределенности исторического перехода реализуется, прежде всего, применительно к будущему современной миросистемы, однако на ее основе трактуется и кризис феодальной системы, приведший к возникновению капитализма.

По И. Валлерстайну, предпринимательский слой существовал во всех исторических системах, но в них имелись ограничивавшие его силы (в средневековой Европе Церковь вела борьбу с «ростовщицеством»). Решающей стала не степень силы капиталистических элементов, а неожиданное ослабление оппозиции капитализму. Произошло это вследствие коллапса трех институтов – сеньориальной власти, государства, Церкви. Неспособность ее восстановить приоткрыла на миг, беспрецедентно в истории, «ворота», возникновение капи-

тализма было «поразительным и непредвиденным... «неожиданным и недетерминированным» [8. С. 16–17].

Следовательно, если элементы капитализма существовали во всех исторических системах, то возникновение капитализма в Европе представляет собой реализацию одной из исторических возможностей, сопровождавшейся случайностью. Равным образом и будущее современной миросистемы трактуется как неопределенное: «Вероятно, снова наблюдается период конца исторической системы, аналогичного концу феодальной системы 500–600 лет тому назад. ...В пункте системной бифуркации, где мы находимся, даже незначительные на первый взгляд действия групп людей... могут различным образом изменить векторы и институциональные формы системы. Можно ли говорить, что мы находимся в центре фундаментального изменения? Нет, этого утверждать нельзя». Поэтому «аналитическое суждение не должно предпрещать то, что еще не произошло» [8. С. 20].

Концепция миросистемного анализа преодолевает телеологизм философии Просвещения, О. Конта, Г. Гегеля, К. Маркса. Отрицая абсолютность и неизбежность прогресса, И. Валлерстайн не отрицает его возможность; в отличие от апокалиптического сценария О. Шпенглера, он не признает и неизбежности гибели современной миросистемы. Различные пути развития рассматриваются не как необходимость, а как возможность, реализация которой зависит от совокупности факторов, среди которых случайные могут играть определяющую роль. В силу последовательной экспликации принципов синергетики применительно к исследованию социальных процессов И. Валлерстайна с полным правом можно считать одним из основателей социальной синергетики.

Принцип 4. *В русле постнеклассической науки в концепции миросистемного анализа применительно к исследованию социальной реальности реализуется тенденция целостного рассмотрения объекта.*

Целостность знания И. Валлерстайн рассматривает с трех сторон – единство номотетической и идиографической методологий, единство всего комплекса социальных наук с выходом за его пределы, единство эмпирического и теоретического уровней в социальном познании. Рассмотрим последовательно эти аспекты.

Единство номотетической и идиографической методологий в концепции миросистемного анализа обусловлено тем, что природа современной миросистемы не может быть раскрыта только путем описания известных исторических фактов, тем более неясно, каков должен быть принцип группировки этих фактов. Современная миросистема представляет собой одновременно и событийную последовательность, и логику событий, что позволяет найти срединный путь между трансисторическими обобщениями и конкретными описаниями путем анализа внутри системных рамок в больших масштабах исторического пространства-времени, чтобы обнаружить базовую управляющую «логику», определяющую последовательность событий [1. Р. 314–315].

Следовательно, если современная миросистема является неразрывным единством закономерной ло-

гики (ее выражают неизменные принципы ее функционирования) и событийности (ее выражает динамика системы), необходимо представить обе эти стороны в едином аналитическом описании, чего невозможно добиться, если оставаться в рамках противопоставления номотетического и идиографического методов.

В концепции миросистемного анализа выдвигается также программа многоуровневой перестройки всего массива социального знания для обеспечения его целостности (этот подход следует рассматривать как реализацию процесса интеграции научного знания применительно к социальным наукам).

Первым шагом на пути этого синтеза является отрицание позитивистской традиции противопоставления социологии и истории (историк устанавливает последовательность событий, социолог на этой основе формулирует теоретические обобщения). Указанный подход фактически превращает историю во вспомогательную по отношению к социологии дисциплину. Основатель школы «Анналов» М. Блок, критикуя этот подход, обосновал равноправие истории и социологии как самостоятельных, но взаимосвязанных дисциплин [15, 21].

И. Валлерстайн идет дальше: «...я не могу себе представить, что какой-либо социологический анализ может иметь силу без помещения данных внутри исторического контекста, точно так же я не могу себе представить, что можно проводить исторический анализ без использования концептуального аппарата, который мы назвали социологией. Но если это так, уместно ли вообще говорить о двух отдельных дисциплинах?» [22. С. 126–127]. В этой связи необходим «исторический социальный исследователь», анализирующий законы конкретных исторических систем и этапы, которые они прошли в своем развитии [1. Р. 315].

Вторым шагом на пути синтеза является идея единства всех социальных наук как воплощения единства социальной реальности, которую они призваны постичь. Л. Февр утверждал, что «экономической и социальной истории не существует. Существует история как таковая во всей своей целостности» [23. С. 25]. И согласно позиции И. Валлерстайна недопустимо, «когда каждой сфере положена своя “дисциплина”: экономисты изучают рынок, социологи – гражданское общество, юристы – государство» [8. С. 12].

Однако проблема в том, каким путем может быть достигнут этот синтез, каким должен быть характер взаимосвязи социальных дисциплин. В социальных науках XX в. возникли два ключевых варианта решения этой проблемы – концепция междисциплинарного и концепция монодисциплинарного синтеза.

Первый вариант был реализован школой «Анналов»: необходимо «постоянно устанавливать новые формы связей между близкими и дальними дисциплинами; сосредотачивать на одном и том же объекте исследования взаимные усилия различных наук...» [23. С. 20]. Второй вариант обосновал Г. Мюрдаль: главная трудность социального познания состоит в том, что социальная реальность целостна, не разделена на сегменты, которые изучают отдельные социальные науки. Возникает необходимость преодолеть противоречие между этой целостностью и дисципли-

нарным подходом к ее исследованию путем стирания границ между социальными науками, которые должны быть единством знаний и методов, как в медицине [24. С. 104].

И. Валлерстайн солидарен с позицией Г. Мюрдаля: междисциплинарный синтез не устраняет, а лишь способствует сохранению границ между социальными науками [16. С. 327]. Поэтому в концепции миросистемного анализа выдвигается идея единой дисциплинарной (unidisciplinary) синтеза, согласно которой между наиболее важными для исследования миросистем дисциплинами – антропологией, экономикой, политологией и социологией – не существует критериев (уровень анализа, предмет, методы, исходные теоретические положения), которые препятствовали бы их единству. Следовательно, «данные дисциплины на самом деле – всего лишь одна» [1. Р. 312–313]. К перечню этих дисциплин И. Валлерстайн добавляет и историческую науку [11, 12].

Смысл этого подхода заключается в том, что если в рамках междисциплинарного синтеза исследуемый объект характеризуется с помощью категорий, выработанных в отдельных дисциплинах, то единой дисциплинарный синтез предполагает выработку трансдисциплинарных категорий, которые изначально должны пронизывать весь комплекс социального знания, создавая, тем самым, условия для его единства. Для иллюстрации этого соображения И. Валлерстайн указывает: «Где-то в период 1945–1955 годов две до того времени организационно отдельные “дисциплины” – ботаника и зоология – слились в единую дисциплину, названную биологией. С того времени биология стала процветающей дисциплиной и породила множество подотраслей, но ни одна из них... не носит название и не имеет черт ботаники или зоологии» [1. Р. 313].

Действительно, в ходе развития ботаники и зоологии было выработано трансдисциплинарное понятие клетки, и на основе клеточной теории живой мир стал рассматриваться как единый, возникла биология, внутри которой сложился ряд специальных дисциплин. Однако синтетический характер биологии не означает «растворения» в ней ботаники и зоологии, эти дисциплины сохранили предметно-методологическое самосознание, хотя и стали частями знания более высокого, обобщающего уровня. В этой связи концепция единой дисциплинарной синтеза И. Валлерстайна создает возможность такого слияния социальных дисциплин, при котором каждая из них утратит свое своеобразие, что вряд ли является оправданным.

Проблема еще и в том, что понятие современной миросистемы не реализуется в полной мере как имеющее трансдисциплинарный характер: И. Валлерстайн глубоко и всесторонне обосновал неразрывную связь экономики и политики, функционирования мирового капитализма и межгосударственной системы, но недостаточно показал культурное многообразие современной миросистемы. Роль культуры оказалась сведена к выражению и маскировке противоречий этой неравноправной системы [25. Р. 38]. Поэтому в концепции миросистемного анализа имеет место известный редукционизм, несколько нарушающий заявленный целостный подход.

Третьим шагом на пути синтеза является отрицание И. Валлерстайном деления «знания на три сферы – естественные науки, науки о человеке и (находящееся между ними) обществоведение» [16. С. 263]. С одной стороны, теория неравновесных систем подчеркивает значимость стрелы времени, что всегда было присуще социальным наукам, сложность социальных систем, свойственное человеку творчество. С другой стороны, культурологические исследования акцентируют социальные контексты и смыслы, что всегда интересовало обществоведение, подчеркивают неоднородность социальной реальности [16. С. 255]. Эти тенденции «переместили естественные и гуманитарные науки в сферу общественных наук. Некогда центробежное поле сил в мире знания стало центростремительным, и теперь общественные науки занимают в нем центральное место» [16. С. 330]. Следовательно, «обществоведение неизбежно окажется основой для воссоединенного мира знания» [16. С. 292].

Как уже отмечалось, единой дисциплинарный синтез социальных наук в трактовке И. Валлерстайна предполагает фактическое стирание границ между ними. Теперь же, если принять во внимание тезис о «перемещении» естественных и гуманитарных наук в сферу обществознания, возникает вопрос, не означает ли это «перемещение» эклектичного смешения этих отраслей науки? Если не воспринимать этот тезис буквально, речь должна идти о взаимообогащении различных отраслей науки, возможности трансляции теоретических схем при сохранении ими своего места в общей системе научного знания и предметно-методологической специфики.

Наконец, важными в концепции миросистемного анализа являются идеи единства эмпирического и теоретического уровней в социальном познании, теоретической нагруженности эмпирического фундамента социальных наук и даже в известных пределах не опирающейся на опыт теоретизации.

В позитивизме теоретические модели рассматривались как не связанные с действительностью, а потому в практическом отношении бесполезные. Сторонники Венского кружка жестко разграничивали эмпирическое и теоретическое в пользу опыта, стремясь свести содержание научного знания к «протокольным предложениям». Сторонники постпозитивизма не только указали на невыполнимость этой задачи, но и акцентировали теоретическую нагруженность эмпирического базиса науки.

В методологии социальных наук установки позитивизма преобладали почти до середины XX в. Л. Ранке сформулировал принцип описывать историю «так, как действительно происходило», т.е. с фактологической стороны. Опыт школы «Анналов» показал значимость теоретического компонента исследования: любой исторический источник представляет собой «след» реального объекта, и его изучение всегда опосредовано определенной теоретической установкой [23. С. 14–15, 21–22]. Во второй же половине XX в. через философию науки принципы постпозитивизма стали проникать и в методологию социального познания.

Значимость концепции миросистемного анализа заключается в том, что в ней имеет место тенденция к теоретизации социального познания, поскольку И. Валлерстайн подчеркивает, что «эмпиризм не может быть чистым, ибо он всегда предполагает некоторую априорность» [16. С. 210]. Его взгляды в значительной мере созвучны с идеями Г. Мюрдаля, который полагал, что только эмпирическое не может быть источником научного познания, ибо оно основано на решении определенной проблемы. Проблемный принцип означает, что теоретическое выступает как «априорная форма» по отношению к эмпирическому, но если эмпирическое вступает в противоречие с теорией, то последняя должна быть пересмотрена либо заменена другой [24. С. 103].

Другими словами, теоретическое зависит от результатов эмпирического исследования, но опыт опосредован теоретическими предпосылками. Следовательно, в науке не обойтись без априорных аспектов, которые выступают как организующий принцип эмпирического исследования и определяют его направление.

В противовес традиции описательной истории И. Валлерстайн указывает, что подлинное понимание социальной динамики является во многом теоретическим пониманием, основанным на анализе максимально широкого круга явлений и процессов в пространстве-времени [12. Р. 9]. Необходим «концептуальный поиск», заключающийся в том, что исследование не может осуществляться без наличия определенной теоретической схемы, в рамках которой факты получают интерпретацию. Поэтому схема факты – концепция должна уступить место схеме концепция – факты [12. Р. 8, 346], а подход эмпирическое исследование – индуктивный вывод – теоретическое обобщение нужно заменить на движение мысли от абстрактного к конкретному [1. Р. 324].

Поэтому И. Валлерстайн подчеркивает, что он искал способ описания современной миросистемы на определенном уровне абстракции, эволюции ее структур, взятых в комплексе. Реализация этой задачи привела к формулировке ряда теоретических допущений как отправного пункта исследования. К их числу относится представление о целостности современной миросистемы, единстве ее постоянства и изменения, прошлого и настоящего [12. Р. 7, 8]. К этому ряду следует отнести также уже упоминавшуюся модель множественного исторического времени, идею единства исторического времени-пространства.

Критика указывает, что И. Валлерстайн берет в качестве точки отсчета и объекта сравнения несуществующую, абстрактную модель, а отличие от нее конкретной реальности квалифицирует как несоответствие одной реальности другой. За этим подходом кроется противопоставление теории эмпирической реальности, что приводит к отказу от теоретического познания и «замене его эмпирическими обобщениями». Тезис И. Валлерстайна, что эмпирическая реальность противостоит теоретическому описанию, глубоко ошибочен, тем более если принять во внимание, что описание может быть только эмпирическим [26. С. 44–45].

Однако дело, скорее, в другом. Как говорит И. Валлерстайн, сама по себе «эмпирическая реальность чрезвычайно неполна и малодоказательна» [8. С. 8]. В силу этого без теоретических предпосылок обойтись нельзя, факты обретают смысл лишь в теоретическом контексте. Понятия концепции миросистемного анализа являются исходными абстракциями для интерпретации фактов, эти понятия не могут рассматриваться как результат чисто эмпирического обобщения. Согласно И. Валлерстайну любые понятия – это аналитические конструкции, способы рассмотрения мира. Понятия имеют эмпирическую основу, но о реальности невозможно думать без таких конструкций, создающих определенную «сущностную» модель интерпретации [16. С. 285].

Другими словами, необходима определенная точка отсчета, исходя из которой возможно построение теории. Именно с этих позиций следует понимать тезис И. Валлерстайна о «некоторой априорности» в социальном познании. В силу того что процессы прошлого для современного исследователя являются принципиально не наблюдаемыми, то не в абсолютном смысле, а в известных пределах возможно теоретическое описание основных параметров изучаемого объекта, не опирающаяся на опыт теоретизация.

Указываемый критикой факт наличия абстрактной модели в концепции миросистемного анализа не может служить доказательством отказа И. Валлерстайна от теоретического знания, наоборот, наличие этой модели лишь подчеркивает понимание им важности теоретического уровня. Его тезис о «противостоянии» эмпирической реальности и теории не следует понимать в буквальном смысле. Большинство современных методологов науки согласны с тем, что любая теория является моделью, которая абстрагируется от определенных сторон реальности и учитывает те стороны, которые являются существенными для решения определенной проблемы. Категории теории не являются зеркальной копией реальных процессов, а включают в себя элемент идеализации. Между любой, даже максимально конкретной теорией и реальностью существуют сложные отношения, и невозможно требовать от теории полного тождества с действительностью.

В то же время критика обоснованно отмечает противоречие между применяемой теоретической моделью и исторической реальностью, однако его источник состоит не в отрыве и противопоставлении друг другу эмпирии и теории, а в том, что созданная И. Валлерстайном модель не учитывает ряд сторон и отношений исторического процесса. Однако незавершенность модели допускает ее конкретизацию. Несомненным достижением концепции миросистемного анализа, что вписывает ее в контекст современной постпозитивистской философии науки, является обоснование единства эмпирического и теоретического уровней в социальном познании, активного отношения исследователя к объекту на основе его теоретического осмысления.

Таким образом, концепция миросистемного анализа имеет ярко выраженный холистский характер. Эта установка реализуется в двух взаимосвязанных аспек-

тах: в онтологическом плане как целостность рассматривается современная миросистема, акцентируется единство сфер социальной реальности, в гносеологическом плане как целостность понимается и социальное знание, способы его конструирования.

Принцип 5. *Концепция миросистемного анализа находится в русле тенденции постнеклассической науки к преодолению разрыва между субъектом и объектом познания, что приводит к пересмотру идеала ценностно-нейтрального научного исследования.*

Согласно антропному принципу в естествознании наличие наблюдателя не только меняет картину наблюдения, но и является условием существования основ этой картины; независимого наблюдателя нет, ибо человека как субъекта невозможно исключить из мира. Аналогичная ситуация имеет место и в социальном познании: общество – это субъект и объект одновременно, люди познают результаты собственной деятельности, развернутые во времени, индивидуальный субъект оказывается включенным в объект, независимого от общества и истории социального ученого как идеального наблюдателя не существует. Это положение дел в социальном познании имело место всегда, но постнеклассическая наука особо акцентирует эту гносеологическую ситуацию.

Концепция миросистемного анализа показывает, что в социальном познании основанием для реализации антропного принципа является то, что, по словам И. Валлерстайна, идеал описать историю «так, как действительно происходило», иллюзорен. Это происходит потому, что о прошлом нельзя рассказать, как о действительно существующем. Рассказ о прошлом всегда является социальным актом, осуществляемым людьми в настоящем в рамках современной исторической системы. Поэтому ученые никогда не бывают интеллектуально свободными от общества. Однако это не означает, что ученый является прямым защитником интересов конкретных социальных групп, но он всегда смотрит на изучаемую реальность с определенных позиций [12. Р. 9]. Исследователь рассматривает объект с точки зрения своего социально сконструированного видения, в силу чего не может быть нейтральным, отделенным от социальной реальности [16. С. 233–234, 324–325].

Иначе говоря, понятие «историческая действительность» парадоксально: оно подразумевает наличие реальности, но существующей в прошлом. Однако социального ученого невозможно вынести за рамки современности, он не является независимым наблюдателем, его сознание активно, что обусловлено заинтересованностью в раскрытии связи прошлого и настоящего. В этой связи возникает проблема объективности знания, являющаяся, по И. Валлерстайну, центральным пунктом методологических дебатов в социальных науках [27. Р. 90].

Можно выделить три главных причины возможной необъективности социального знания. Во-первых, находясь внутри масштабного социального изменения, исследователь не всегда в состоянии адекватно его осмыслить. Во-вторых, влияние ценностей на сознание исследователя (порой неосознанное) может сказаться на интерпретации фактов в условиях, когда

они допускают неоднозначную трактовку. В этой связи неслучайно в социальном познании на одном и том же фактическом материале создаются не просто различные, а порой взаимоисключающие друг друга концепции. И, в-третьих, социальный заказ, опирающийся на идеологию или требования текущего политического момента. Последний вариант предполагает не учитывающую содержание фактов интерпретацию, что вообще не соответствует критериям научности.

Согласно справедливому замечанию М. Вебера, «... в решении каждой профессиональной задачи вещь как таковая заявляет о своих правах и требует уважения ее собственных законов. При рассмотрении любого специального вопроса ученый должен ограничить свою задачу и устранить все, непосредственно не относящееся к делу, прежде всего свою любовь или ненависть». От ученого требуется способность признания «неудобных фактов, умение отделять их констатацию от оценивающей их позиции» [28. С. 552]. С одной стороны, по М. Веберу, субъект не в состоянии освободить свое сознание от ценностей, с другой стороны, ценности не должны оказывать влияния на выводы субъекта, ценностное суждение противоречит научной объективности.

Если для М. Вебера объективность является делом научной добросовестности, личной ответственности ученого, то для И. Валлерстайна – функцией всей социальной системы. Эта функция должна реализовываться так, чтобы деятельность лиц, укорененных в основных группах миросистемы, осуществлялась сбалансированным образом. Однако система является односторонней, она концентрирует определенные виды исследовательской деятельности в руках конкретных групп и результат будет смещен в пользу этих групп [12. Р. 9–10]. Если сегодня социальные науки нельзя считать объективными, они могут стать таковыми в рамках более справедливой системы: «Именно в силу того, что легитимность основополагающих для капиталистического мирохозяйства иерархий – классовых, расовых или гендерных – активно оспаривается... сегодня впервые в истории открывается возможность создания... относительно более объективной обществоведческой науки» [16. С. 268].

Проблема объективности знания увязывается И. Валлерстайном с характеристикой истины. Он полагает, что универсальной истины нет [16. С. 325–326], поэтому вероятность – «единственная форма научной истины» [16. С. 223]. Социальная реальность является сконструированной, а цель науки состоит в поиске ее интерпретаций: «В определенном смысле все это игра с бесконечно отражающими друг друга зеркалами. Мы стремимся открыть реальность, на основе которой мы сконструировали реальность. А когда мы ее находим, то, в свою очередь, пытаемся понять, как была построена эта глубинная социальная реальность. В этом блуждании среди зеркал могут возникать более или менее правильные научные знания. Наиболее правильные из них являются с общественной точки зрения самыми полезными, так как помогают создавать существенно более рациональную реальность. Именно поэтому поиски истины и блага неразрывно связаны» [16. С. 288].

Однако проблема в том и заключается, что если все знания являются относительными, как определить, какое знание будет правильным и социально полезным, поскольку разные ученые и – шире – социальные группы, в том числе заинтересованные в сохранении неравноправной системы, могут претендовать на то, что именно они являются носителями такого знания. Тем более, по И. Валлерстайну, на социальных ученых возложена большая ответственность – анализ реальных исторических альтернатив с целью определения наиболее оптимальной. Прогресс не неизбежен, но это не значит – невозможен: мы можем создать более справедливую историческую систему, поскольку познание неотделимо от поиска справедливого общества [16. С. 288–289].

Однако релятивизация истины, в особенности если она сопровождается игнорированием фактов, или не учитывающей их содержание интерпретацией, подрывает гносеологическую состоятельность социального познания и что не менее важно – доверие к социальным ученым, способствует превращению социального познания в пространство идеологической борьбы различных социальных групп, что вряд ли является оптимальным и полезным для него. В силу сложного соотношения субъекта и объекта социального познания осознание трудной достижимости объективного знания не должно сопровождаться отказом от стремления к нему.

Подводя общий итог, следует отметить, что концепция миросистемного анализа интегрирует в свой состав ряд элементов постнеклассической научной рациональности.

Во-первых, это нашло выражение в изучении сложных, саморазвивающихся исторических систем, в особенности современной миросистемы, путем исследования которой реализуется принцип глобальности и целостности в исследовании социальной реальности. Обоснование нового предмета социального познания вывело концепцию миросистемного анализа за пределы формационного и цивилизационного подхода к истории.

Во-вторых, понимание долгосрочной динамики современной миросистемы оказалось невозможным без осознания значимости исторического времени, анализа циклической хроноструктуры исторического процесса, единства исторического времени-пространства, раскрытия структурных механизмов социальной динамики.

В-третьих, опыт концепции миросистемного анализа свидетельствует о том, что обновлению социаль-

ного знания способствуют теоретические схемы, транслируемые с метатеоретического уровня, включающего в свой состав современные общенаучные представления, поскольку социальная реальность исследуется не только силами собственно социальных наук, но и с помощью отраслей общенаучного знания – системного подхода и синергетики. При этом системность синтезируется с идеей развития (принцип историзма), а благодаря синергетике признается роль вероятности и случайности в развитии сложных систем.

Принципы синергетики в концепции миросистемного анализа сыграли важную роль и в преодолении дилеммы естественнонаучной и гуманитарной картины мира, отказе от ряда постулатов науки Нового времени и их применения к социальному познанию. Это выражается в отрицании механистического детерминизма, признании не причинных форм детерминации в сложных системах, акценте одновременно на раскрытии структурных и процессуальных сторон системы, признании значения нелинейных процессов, в особенности в моменты перехода к новой исторической системе, что сопровождается ростом неопределенности будущего.

В-четвертых, в концепции миросистемного анализа реализуется принцип холизма, воплощенный не только в трактовке современной миросистемы, но и в трактовке социального знания: обосновывается единство номотетического и идиографического методов, отрицается строгое дисциплинарное деление социальных наук в форме концепции единой дисциплинарного синтеза, выдвигается идея единства эмпирического и теоретического уровней в социальном познании. Эти аспекты выражают тенденцию целостного, всестороннего рассмотрения объекта, занимающей в структуре современной научной рациональности одну из ключевых позиций.

В-пятых, отказ от противопоставления субъекта и объекта социального познания, идеи его ценностной нейтральности тоже включают концепцию миросистемного анализа в контекст постнеклассической науки.

Опыт этой концепции показывает, что трансляция в сферу социального познания современных общенаучных представлений является не самоцелью, а инструментом его теоретизации, без которой социальное познание не может адекватно выполнять функцию расширения видения социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wallerstein I. World-Systems Analysis // *Social Theory Today* / ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Stanford (California) : Stanford university press, 1987. P. 309–324.
2. Lee Richard E. Complexity and the Social Science // *Review* (Fernand Braudel Center). 2006. Vol. 29, № 1. P. 115–134.
3. Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануила Валлерстайна и мир-системном анализе) // Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. С. 6–72.
4. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб. : Лань, 1999. 480 с.
5. Степин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
6. Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // *Время мира. Альманах*. Вып. 2: Структуры истории / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2001. С. 102–116.
7. Wallerstein I. Historical Systems as Complex Systems // *European Journal of Operational Research*. 1987. Vol. 30, № 2. P. 203–207.
8. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // *Социологические исследования*. 1997. № 1. С. 8–21.
9. Wallerstein I. A Theory of Economic History in place of Economic Theory? // *Studies in Social and Economic History*. Vol. 15: Methodological problems. Leuven : Leuven university press, 1990. P. 41–50.

10. Полаanyi К. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2010. 200 с.
11. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М. : Территория будущего, 2006. 248 с.
12. Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist agriculture and the origins the European world-economy in the sixteenth century. N.Y. : Academic press, 1974. 410 p.
13. Wallerstein I. The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations. Essays. Cambridge : Cambridge university press ; Paris : Edition de la Maison des sciences de l'homme, 1984. 191 p.
14. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
15. Wallerstein I. Le capitalisme historique. Paris : La Decouverte, 1985. 125 p.
16. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М. : Логос, 2003. 368 с.
17. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 3: Время мира. М. : Прогресс, 1992. 680 с.
18. Stengers I. Les «nouvelles sciences», modeles ou defi? // Review (Fernand Braudel Center). 1992. Vol. 15, № 1. P. 91–112.
19. Пригожин И. Наука, разум и страсть // Знание – сила. 1997. № 9. С. 45–56.
20. Wallerstein I. The challenge of maturity: Whither social science? // Review (Fernand Braudel Center). 1992. Vol. 15, № 1. P. 1–7.
21. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986. 254 с.
22. Валлерстайн И. Социология и история // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 124–127.
23. Февр Л. Бой за историю. М. : Наука, 1991. 629 с.
24. Вольфсон Л.Ф. Методология социального исследования Гуннара Мюрдаля // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 97–107.
25. Wallerstein I. Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // Theory, Culture and Society. 1990. Vol. 7, № 2/3. P. 31–55.
26. Фурсов А.И. Возникновение капитализма и европейское общество сквозь призму конъюнктурного подхода // Социологические исследования. 1991. № 11. С. 37–47.
27. Wallerstein I. Open the Social Sciences. Stanford (California) : Stanford university press, 1996. 105 p.
28. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 804 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 8 февраля 2020 г.

The Conception of World-Systems Analysis in the Context of Post-Non-Classical Science

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 97–108.

DOI: 10.17223/15617793/454/11

Roman Yu. Tsarev, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: romanoromani@mail.ru

Keywords: historical systems; chronostructure of history; nonlinear historical processes; synthesis of social sciences; theoretical history; subject and object of social cognition.

The article deals with the problem of the impact of the principles of post-non-classical science on the sphere of social cognition by studying the methodological aspects of Immanuel Wallerstein's conception of world-systems analysis. Its experience shows that the principles of post-non-classical science contribute to the discovery of new objects of social cognition, the development of appropriate methodology, translation of modern general scientific approaches from the meta-theoretical level to social cognition. Firstly, the conception of world-systems analysis refers to the study of complex, large-scale self-developing historical systems: world-empires, world-economies, and the modern world-system. It is noted that the justification of new units of the historical process brings the conception of world-systems analysis beyond the limits of the formational and civilizational approach. Secondly, the awareness of the importance of time and development is expressed in the analysis of the chronostructure of the historical process formed by long-term cyclic rhythms. Wallerstein substantiates the idea of three continuums of existence of the modern world system, namely, past-present, statics-dynamics, and time-space. The emphasis is on the transformational time-space, which characterizes the process of transition to a new historical system. Thirdly, the conception of world-systems analysis goes far beyond the principles of classical science in their application to social cognition. This is expressed in the rejection of the linear form of social time and mechanistic determinism, the recognition of non-causal forms of determination. In the interpretation of development, the principles of synergetics play a decisive role in the conception of world-systems analysis. Based on them, there is a denial of the dilemma of the natural science and the humanitarian pictures of the world and the justification of the role of probability and chance in the development of historical systems, not the predetermination of the future. Fourthly, the study of the modern world-system is based on the principle of a holistic, comprehensive consideration of the object from the point of view of the unity of nomothetic and idiographic methods, the synthesis of social sciences in the framework of a multidisciplinary model, the unity of empirical and theoretical levels of social cognition (emphasizes the theoretical load of facts, the presence of initial theoretical attitudes that determine the direction of empirical research). Fifthly, the problem of correlation between the subject and the object of social cognition, its objectivity are considered, since there is no researcher independent of society as an ideal observer. In conclusion, it is noted that the principles of modern scientific rationality, integrated into the conception of world-systems analysis, contribute to the expansion of the vision of social reality, to the enrichment and development of the theoretical and methodological apparatus of social cognition.

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (1987) World-Systems Analysis. In: Giddens, A. & Turner, J.H. (eds) *Social Theory Today*. Stanford (California): Stanford University Press. pp. 309–324.
2. Lee, R.E. (2006) Complexity and the Social Science, *Review* (Fernand Braudel Center). 29 (1). pp. 115–134.
3. Fursov, A.I. (2008) Kapitalizm skvoz' prizmu mir-sistemnogo analiza (o rabotakh Immanuila Vallerstayna i mir-sistemnom analize) [Capitalism Through the Prism of World-System Analysis (On the Works of Immanuel Wallerstein and World-System Analysis)]. In: Wallerstein, I. *Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical Capitalism. With Capitalist Civilization]. Translated from English. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. pp. 6–72.
4. Vasil'kova, V.V. (1999) *Poryadok i kaos v razvitiy sotsial'nykh sistem. Sinergetika i teoriya sotsial'noy samoorganizatsii* [Order and Chaos in the Development of Social Systems. Synergetics and Theory of Social Self-Organization]. St. Petersburg: Lan'.
5. Stepin, V.S. (2003) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Wallerstein, I. (2001) Izobretenie real'nostey vremeni-prostranstva: k ponimaniyu nashikh istoricheskikh sistem [The Inventions of TimeSpace Realities: Towards an Understanding of our Historical. Systems]. Translated from English. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [World Time. Almanac]. Is. 2. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 102–116.
7. Wallerstein, I. (1987) Historical Systems as Complex Systems. *European Journal of Operational Research*. 30 (2). pp. 203–207.

8. Wallerstein, I. (1997) Sotsial'noe izmenenie vechno? Nichto nikogda ne izmenyaetsya? [Social Change?: Change is Eternal, Nothing Every [i.e. Ever] Changes]. Translated from English. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 8–21.
9. Wallerstein, I. (1990) A Theory of Economic History in place of Economic Theory? In: *Studies in Social and Economic History*. Vol. 15: Methodological problems. Leuven: Leuven University Press. pp. 41–50.
10. Polanyi, K. (2010) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Translated from English. Moscow: Territoriya budushchego.
11. Wallerstein, I. (2006) *Mirosistemnyy analiz: Vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Translated from English by N. Tyukina. Moscow: Territoriya budushchego.
12. Wallerstein, I. (1974) *The Modern World-System*. Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y. : Academic Press.
13. Wallerstein, I. (1984) *The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations. Essays*. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Edition de la Maison des sciences de l'homme.
14. Wallerstein, I. (1996) Rossiya i kapitalisticheskaya mir-ekonomika, 1500–2010 [Russia and the Capitalist World-Economy, 1500–2010]. Translated from English. *Svobodnaya mysl'*. 5. pp. 30–42.
15. Wallerstein, I. (1985) *Le capitalisme historique*. Paris: La Decouverte.
16. Wallerstein, I. (2003) Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka [The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century]. Translated from English. Moscow: Logos.
17. Braudel, F. (1992) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t.* [Civilization and Capitalism, 15th-18th Century: In 3 Vols]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: Progress.
18. Stengers, I. (1992) Les “nouvelles sciences”, modeles ou defi? *Review* (Fernand Braudel Center). 15 (1). pp. 91–112.
19. Prigogine, I. (1997) Nauka, razum i strast' [Science, Reason and Passion]. *Znanie – sila*. 9. pp. 45–56.
20. Wallerstein, I. (1992) The challenge of maturity: Whither social science? *Review* (Fernand Braudel Center). 15 (1). pp. 1–7.
21. Bloch, M. (1986) *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [The Historian's Craft]. Translated from French by E.M. Lysenko. Moscow: Nauka.
22. Wallerstein, I. (2000) Sotsiologiya i istoriya [Sociology and History]. Translated from English. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [World Time. Almanac]. Is. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 124–127.
23. Febvre, L. (1991) *Boi za istoriyu* [Fights for History]. Translated from French by A.A. Bobovich, M.A. Bobovich, Yu.N. Stefanov. Moscow: Nauka.
24. Vol'fon, L.F. (1968) Metodologiya sotsial'nogo issledovaniya Gunnara Myurdalya [Gunnar Myrdal's Methodology of Social Research]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 8. pp. 97–107.
25. Wallerstein, I. (1990) Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System. *Theory, Culture and Society*. 7 (2/3). pp. 31–55.
26. Fursov, A.I. (1991) Vozniknovenie kapitalizma i evropeyskoe obshchestvo skvoz' prizmu kon'yunkturnogo podkhoda [The Emergence of Capitalism and European Society Through the Prism of the Market Approach]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 37–47.
27. Wallerstein, I. (1996) *Open the Social Sciences*. Stanford (California): Stanford University Press.
28. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.

Received: 08 February 2020